

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2022 – 2023 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

11 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Гайто Газданов

(1902 – 1971)

МЕЧТАТЕЛИ

И сын египетской земли
Корсар в отставке, Морали.

Пушкин

В воспоминаниях одного французского писателя я прочёл рассказ о том, как один его товарищ, — им обоим было по восемь лет, приблизительно, — уговаривал его уехать на пароходе путешествовать. Он носил с собой карту обоих полушарий, изучал проливы, заливы, моря, острова и океаны; потом он нарисовал небольшое парусное судно с двумя каютами — одна впереди, другая сзади.

— Здесь буду жить я, — сказал он, указывая на переднюю каюту, а во второй каюте — ты.

— А почему я сзади, а ты впереди?

Он пожал плечами и ответил:

— Потому что я капитан.

Этот ответ был единственной причиной, заставившей автора отказаться от поездки. Потом в тексте воспоминаний происходит точно бы некоторая остановка — в живой речи это как бы пауза. И потом автор прибавляет:

— Он никогда потом, ни разу за всю свою жизнь не был на море. Но в возрасте двадцати пяти лет, в Тулузе, он был директором галантерейного магазина, который назывался «Фрегат».

И кажется, все люди, по крайней мере, все, кого я знал, в героическом возрасте были больше или меньше — мечтателями и путешественниками. Я знаю, что для многих моих товарищей даже теперь экзотические названия звучат, как давно знакомая и неизменно прекрасная музыка. Сколько маршрутов по земному шару мы знали в те времена, когда нам было девять или десять лет! Бенгальский залив, Баб-Эль-Мандеб, Корейское море, Красное море, Суэцкий канал, Дарданеллы, Босфор, Красное море, Огненная Земля — и пышные, также неподдельно иностранные названия городов: Рио-де-

Жанейро, Сан-Франциско, Буэнос-Айрес, Сингапур, Мельбурн. И настоящими путешественниками мы были только тогда. «Наши путники расположились под сенью громадного баобаба и вкусно поужинали мясом только что поджаренной пекари».

Потом на пароходе — в Чёрном или Мраморном или Эгейском море, проезжая мимо прекраснейших берегов — на настоящем пароходе по настоящему морю — мы с волнением искали глазами те пейзажи, которые так хорошо знали, не выезжая из родительского дома. Их не оказалось: всё было не таким и совсем настоящим: стаи диких уток над широкими волнами Дуная и стаи чаек над Босфором и фосфорно сверкающие спины дельфинов в Чёрном море. Я смотрел на это с равнодушным любопытством: разве ты, бывший гимназист, русский гимназист в подготовительном, первом и втором классе, — разве ты не был многократно и корсаром, и пиратом, и конквистадором, и разве мы не знали всех коварных подводных течений и рифов на громадном водном пространстве — приблизительно от Нью-Йорка до Мельбурна?

* * *

Я думаю, как человек обычно кончает свои воображаемые странствия, примерно на двадцать пятом году своей жизни: он знает уже в этом возрасте, что ему нужно знать, куда ехать, что думать и что читать; и потом он меняется лишь постольку, поскольку стареет, но всё, что ему было дано совершить — в этой юдоли, как говорил мой законоучитель, — он уже совершил; и в сущности, лишь небольшой натяжкой будет сказать, что этот человек больше не существует.

Но есть неутомимые люди: некоторые — очень редкие — философы, некоторые — очень редкие — писатели, несколько мореплавателей, художников и авиаторов; и ещё странники и мечтатели, которыми могут быть, кажется, только смелые и, пожалуй, только русские.

Никогда не забуду одного разговора, который происходил между нами — нас было человек пять, мы были на фронте — о том, кто кем хотел бы быть. Одному казалась чрезвычайно завидной должность вице-губернатора, почему-то именно вице-губернатора, а не губернатора просто; другой стремился жить в Америке; мне всё рисовалась роль, насколько она положительна, доктора Моро — зоолога и экспериментатора; четвёртый хотел, по-моему, открыть магазин в Житомире. Пятый, Алёша, молчал:

— А ты бы, Алёша, кем хотел быть?

Алёша внимательно на нас посмотрел и сказал:

— Это что — вице-губернатор или меховой магазин. А я вот хотел быть собакой.

Глаза у него сделались задумчивыми, и он прибавил:

— Вы только подумайте: бежишь, куда хочешь, когда хочешь, ни о чём не думаешь, не воюешь, не читаешь — ничего. А главное — бегаешь, куда хочешь.

Алёша был знаменит тем, что всё продавал: в самых глухих местах наших странствий он находил покупателей то на мешок муки, то на кавалерийские штаны, то ещё на что-нибудь — и продавать было его страстью. Я спросил как-то:

— Что бы ты сделал, если бы захватил в плен неприятельский поезд — со спальными вагонами и множеством всякого добра?

— Продал бы.

— Ну, хорошо. А если бы ты получил имение? Понимаешь — густой сад, пруд, в пруду караси, повар тебе каждый день подаёт дичь и блины; дом старинный, удобный, большая библиотека и гимнастический зал.

Алёша не сразу ответил, нечто вроде сожаления промелькнуло в его глазах, он вздрогнул, представив себе, по-видимому, всё это великолепие, и всё-таки:

— Продал бы.

— Но если бы ты получил в наследство, помимо этого имения, ещё бы и большой капитал, так что в деньгах ты бы совершенно не нуждался?

— Всё равно продал бы. А деньги бы обменял на иностранную валюту и уехал за границу.

Он и уехал за границу — только без валюты — так же, как и все мы. Я не знаю, что с ним теперь; он был, кажется, на Корсике, в Бразилии, ещё где-то; лет семь тому назад я видел его в Париже — он был одет, как американский турист, всё куда-то торопился, боялся опоздать на поезд, идущий в Страсбург, у него были какие-то дела и, попрощавшись со мной в зале Восточного вокзала, исчез так бесследно, точно растворился в воздухе, и, как нарочно, через секунду из-за угла вышла большая лохматая собака и побежала в том же направлении, что и Алёша. Я посмотрел ей вслед и невольно рассмеялся: было что-то необыкновенно знакомое в её семенящей походке, так что я чуть было не подумал: а не сбылась ли с Алёшей мечта тех времён, 19-го года, в России?

* * *

Мне было лет тринадцать, я читал «Критику чистого разума» и был вне себя от бешенства и огорчения: книга была написана русским языком, большинство слов было мне известно; так, где слова кончались, стояли «ять» и твёрдые знаки, и две точки над «е» в слове «ёмкость», — словом всё было, казалось бы, совершенно так же, как во всех остальных книгах — с той разницей, что в «Критике чистого разума» я совершенно ничего не мог понять — как если бы все эти фразы были написаны по-португальски. Я перечитывал их по много раз: иногда мне начинало казаться, что я понимаю, но со

следующей же фразы недоразумение выяснялось в невыгодную для меня сторону — и я отложил Канта и стал читать более понятные философские книги.

В результате я стал думать, что все окружающие меня люди заняты пустячными и ничтожными делами, не знают ни условности нашего восприятия, ни недостоверности зрительных и слуховых впечатлений, ни существования категорических императивов, которые в популярном изложении оказались совсем не такими страшными, — и что мне с ними, в сущности, почти не о чем говорить.

И вот в это время я познакомился с Женей, гимназисткой седьмого класса; я попал на полулегальное собрание — хотя дело происходило летом 17-го года и никакой нелегальности не было нужно — и услышал, как она, задыхаясь от волнения, говорила о коммунистической революции и необходимости социального переворота, с неизбежными цитатами: «великая социалистическая революция придёт с востока» и «религия — это опиум для народа». После этого у меня был частный разговор с Женей, я непочтительно отозвался о Марксе, сказав, что он — только компилятор. Женя вспыхнула, спросила меня, что я читаю, и, услышав мой ответ, презрительно пожала плечами:

— Если бы вы были немного старше, я бы сказала, что это преступно; ну, а в вашем возрасте это просто глупость.

Самой Жене было шестнадцать лет.

— В такое время, когда вы должны принимать активное участие... и т.д. — преступно заниматься философией.

— Можно ещё бросать бомбы, — сказал я.

— Это во всяком случае лучше и честнее.

Но я начал защищать индивидуализм: Женя привела несколько греческих терминов, заговорила о социальной структуре и потом вдруг прервала себя, обратившись к своей подруге, которая шла рядом с нами — все это было ранней летней ночью, в парке, была луна на очень чистом, тёмно-синем небе и лёгкий ветер:

— А какая прекрасная ночь! Хорошо всё-таки, правда?

И мы сразу забыли о философии и социальной структуре, и остались только деревья и тёмные листья, и тёплый лёгкий воздух.

— Хорошо бы так, — и я по голосу узнал в ней мечтательницу, потому что у мечтателей особенные голоса, — жить, ты понимаешь, и приносить всем-всем пользу, особенно бедным; и сделать так, чтобы всё было хорошо. И даже чтобы погода была всегда хорошая.

Поздней осенью она уехала в Москву: мы все её проводили, я даже принёс ей цветы — потому что после тогдашней ночи я перестал к ней испытывать какую бы то ни было

политическую неприязнь; она не была коммунисткой, она была только мечтательницей, и это было в тысячу раз бесполезнее и лучше.

Потом в течение некоторого времени мы ничего о ней не знали — и только однажды, вечером, зимой, я пришёл к её подруге и застал её плачущей. В ответ на мой вопрос она показала мне газету, где имя и фамилия Жени были напечатаны крупными буквами и сказано, что она погибла при взрыве бомбы, брошенной в её дом — «чьей-то преступной рукой».

<Начало 1930-х гг.>

Вадим Жук

(род. в 1947)

Но будет чай горяч, и слово будет честным,
И чёрно-жёлтым лёт могучего шмеля
Пока я не исчез. А я совсем исчезну,
Совсемушки совсем до белого нуля.
И мальчик января, и юноша в ковбойке,
И токарь, и студент, и пьющий лимонад,
И Гёте на тропе, и Гоголь в птичьей тройке...
(Да это Мандельштам! Ложи чужое взад).
Я всё это к тому, что будет да не будет,
Что вроде – вот оно, а ты и ни при чём.
Что самый боевой участник этих штудий –
Ни глазом подмигнуть, ни шевельнуть плечом.
Вольно скакать строкой Катулла ли Вийона,
А каково тебе в безветрии торчать,
Приколотым к листу навроде папийона,
Как говорил другой – ...и на устах печать.
Конечно, жить смешно, конечно, жить опасно,
Как мышке полевой средь жестковатых трав...
И всё ж дождёмся дней благословенной Пасхи
И самых главных слов – «поправ» и «даровав».

2023

Примечания

Папийон (лат. *Papilio*) – род в семействе бабочек-парусников; его представители отличаются крупными размерами и яркой окраской.